Kulik Tatiana Urievna, Candidate of law, Associate professor of the department of processional law, South-Russian Institute of Management – branch of the Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: rostnev@yandex.ru

REMEDIAL PROBLEMS OF DETERMINING THE STATUS OF ORGANIZATIONS WITH INDIVIDUAL PUBLIC OR OTHER PUBLIC AUTHORITY

Abstract

The article considers the problem of determining the procedural status of organizations that do not apply to public authorities or local governments but endowed with certain state or other public authority, which is important in determining the jurisdiction and procedure of dealing with disputes involving such organizations in the arbitration process.

Keywords: *public relations, challenging decisions, actions (inaction), the administrative proceedings.*

References

1. *Pastuhova M.V.* Razreshenie sporov, svyazannyh s narusheniem organami gosudarstvennyh vnebudzhetnyh fondov procedury provedeniya proverok v otnoshenii platel'schikov strahovyh vznosov i poryadka prinyatiya resheniy po ih rezul'tatam // Arbitrazhnye spory. 2014. № 3.
2. *Petrov M.* Vozmozhnost' i predely primeneniya glavy 24 APK RF v sporah s kommercheskimi organizaciyami, nadelennymi publichnymi polnomo-chiyami. [Elektronniy resurs] URL: http://zakon.ru/Blogs/vozmozhnost_i_predely_primeneniya_glavy_24_apk_rf_v_sporax_s_kommercheskimi_organizaciyami_nadelenny/5183.
3. *Alekseev S.S.* Teoriya gosudarstva i prava. M., 2011.
4. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 iyulya 1998 goda № 857 v red. ot 27 sentyabrya 2014 goda «Ob utverzhdenii ustava Federal'nogo fonda obyazatel'nogo medicinskogo strahovaniya» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1998. № 32. St. 3902.
5. *Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V.* Dogovornoe pravo. Dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug (Kniga 3). M.: Statut, 2006.
6. *Rozenfel'd V.G., Starilov Yu.N.* Problemy sovremennoy teorii administrativnogo dogovora // Pravovede-nie. 2006. № 4.

УДК 343.1

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРЕЮДИЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Чушенко Дмитрий Николаевич аспирант кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54) E-mail: Retwizan@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с институтом преюдиции в отечественном законодательстве и влиянием ее на эффективность судебной деятельности. Раскрываются вопросы нормативного регулирования преюдиции в отечественном законодательстве в период с середины XIX века и по настоящее время, а также проблемы правоприменительной практики.

***Ключевые слова**: доказывание в уголовном процессе, освобождение от доказывания, преюдиция, развитие института преюдиции в России, контрадикция судебных актов, эффективность судебной деятельности.*

В настоящее время вопросы, связанные с применением преюдиции, остаются весьма актуальными. На протяжении нескольких лет на страницах научных изданий ведется горячая дискуссия о данном механизме освобождения от доказывания, который в свою очередь в той или иной степени влияет на эффективность судебной деятельности. Наиболее острую полемику вызывают вопросы, связанные с применением межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, которая предусмотрена статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Российской Федерации.

Положения этой статьи УПК РФ уже дважды проверялись Конституционным Судом Российской Федерации на предмет соответствия Конституции России, а то обстоятельство, что вынесенные им судебные решения вызвали жаркие споры в кругах как ученых-теоретиков, так и практиков, является свидетельством несовершенства не только законодательного регулирования, но и, как следствие, практического применения.

Несмотря на то, что институт преюдиции известен со времен римского права [1], в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве данный механизм освобождения от доказывания получил широкое распространение после проведения в России судебной реформы Александра II в связи с изданием Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС). Этот Устав содержал пять статей (№№ 27-31), регулировавших вопросы межотраслевой преюдиции.

В частности, было установлено, что в случаях, когда преступность деяния зависела от определения в установленном порядке прав состояния или собственности на недвижимое имущество (либо несостоятельности) обвиняемого, уголовное преследование приостанавливалось до выяснения гражданским судом [2] данных обстоятельств.

Еще одна особенность применения преюдиции заключалась в том, что окончательное решение гражданским судом в части подлежащих его рассмотрению вопросов было обязательно для уголовного суда только в отношении действительности и свойства события или деяния, а не в отношении виновности подсудимого, в то время как окончательное решение уголовного суда по вопросам: совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и какого свойства это деяние – было обязательным для гражданского суда во всех тех случаях, когда им оценивались гражданские последствия преступления.

Более того, положения статьи 28 УУС, гласившей, что обнаружение преступления при рассмотрении дела в гражданском суде не освобождало уголовный суд от надлежащего производства для определения уголовной ответственности обвиняемого, позднее были органично дополнены абзацем, включенным в статью 29 УУС: «решение по иску, рассмотренному гражданским судом в связи с приостановлением уголовного производства (в соответствии со статьей 7 Устава уголовного судопроизводства), никаким образом не могло влиять на выводы суда при постановлении приговора» [3].

Указанные нормы, даже по нынешним меркам, представляются достаточно удачно сформулированными и позволяющими сбалансировать такие основополагающие принципы, как свобода оценки доказательств судом, с одной стороны, и обязательность вступившего в законную силу судебного решения – с другой [4].

В советское время в уголовно-процессуальном законодательстве преюдиция претерпела определенные изменения. В частности, начиная с 1922 г. было определено, что вступившие в законную силу решения гражданского суда обязательны для уголовного суда только в отношении вопроса, имело ли место событие или деяние, а вступивший в законную силу приговор уголовного суда по вопросу о том, совершилось ли преступление и совершено ли оно подсудимым, обязателен для гражданского суда в тех случаях, когда этим судом рассматривается гражданские последствия преступления, рассмотренного уголовным судом [5].

С принятием УПК РСФСР 1960 года принципиального изменения в содержание механизма межотраслевой преюдиции в уголовном процессе не произошло. По сравнению с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законодательством обязанность следовать преюдициальному началу, помимо суда, была распространена на прокурора, следователя и лицо, производящее дознание (статья 28). В то же время по сравнению с УПК РСФСР 1922 года, в УПК РСФСР 1960 года произошло сужение объективных границ применения преюдиции в связи с заменой понятия «деяние» на «действие».

Как известно, деяние в уголовном праве – это акт осознанно-волевого поведения в форме действия или бездействия, повлёкший общественно опасные последствия и являющийся обязательным признаком события преступления и объективной стороны преступления как его элемента [6, с. 123 – 124]. Очевидно, что в данной редакции из состава преюдициальных обстоятельств законодатель фактически исключил как отрицательные факты, так и бездействие субъектов, оставив возможность применения в качестве преюдициальных исключительно положительные факты.

Ранее уже высказывались мнения о том, что исключение указанных категорий из диспозиции статьи, регламентирующей применение межотраслевой преюдиции в уголовном процессе, было вызвано доводами о том, что отрицательные факты в общем случае недоказуемы и механизмы их доказывания в гражданском процессе, базирующиеся на основе применения законодательных презумпций или фикций, не соответствуют стандартам доказанности в уголовном процессе [7].

В целом соглашаясь с данной точкой зрения, нельзя не отметить то обстоятельство, что советская доктрина поиска объективной истины, отрицавшая принцип состязательности сторон, ориентировала суды (да и не только их) на объективное, полное и всестороннее разбирательство при рассмотрении как гражданских, так и уголовных дел.

Например, при рассмотрении гражданских дел в целях установления истины Гражданский процессуальный кодекс (далее – ГПК) РСФСР 1964 года обязывал суд, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законодательством меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела, прав и обязанностей сторон (статьи 14 и 145), по собственной инициативе осуществлять сбор доказательств (статья 50), допускал (по определению суда) представителей общественных организаций и коллективов трудящихся, не являющихся стороной в деле, к участию в судебном разбирательстве с правом знакомиться с материалами дела и представлять доказательства (статья 147), а также в целях защиты прав и охраняемых законом интересов допускал выход суда за пределы заявленных истцом требований (статья 195).

Кроме того, ГПК РСФСР 1964 года при обжаловании судебных актов разрешал приносить протест на незаконное или необоснованное решение суда прокурору как участвовавшему, так и не участвовавшему в деле (статья 282), при этом суд не был связан доводами кассационной (надзорной) жалобы или протеста и обязан был проверить дело в полном объеме как в обжалованной, так и в необжалованной части (статьи 294 и 327).

Очевидно, что указанные особенности гражданского судопроизводства советского времени в полной мере отражали взгляды на цели и задачи гражданского процесса, которые в свою очередь были близки целям уголовного судопроизводства, согласно которым суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [8]. И хотя унифицировать процедуры доказывания было в принципе невозможно по причине различных подходов к вопросу доказанности обстоятельств, имеющих значения для рассмотрения гражданского дела (подлежащих доказыванию в уголовном процессе), розыскной характер как гражданского, так и уголовного судопроизводства позволял достигать поставленных перед ними целей.

В постсоветское время несмотря на то, что декларируемые цели гражданского процесса существенно изменились и он приоб-

рел выраженный состязательный характер, значение вступивших в законную силу актов гражданского судопроизводства при рассмотрении уголовных дел до 2002 г. не претерпело никаких изменений. Однако с принятием Уголовно-процессуального кодекса 2001 года ситуация кардинальным образом поменялась.

Так, в соответствии с положениями статьи 90 УПК РФ по сравнению с ранее действовавшим уголовно-процессуальным законодательством получила закрепление лишь так называемая опровержимая отраслевая преюдиция. Диспозиция вышеуказанной статьи в первоначальной редакции придавала преюдициальную силу только вступившим в законную силу приговорам, причем в случаях, если обстоятельства, установленные ими, не вызывали сомнения у суда. В то же время фактически утратили преюдициальное значение все судебные акты других видов судопроизводства (гражданского и арбитражного).

Можно предположить, что одной из причин, побудившей законодателя внести изменения в нормы, регламентирующие преюдицию (как отраслевую, так и межотраслевую) в уголовном процессе, явилось устранение из отечественной юридической доктрины такой категории, как объективная истина. Её наличие в состязательном процессе, по мнению сторонников реформы отечественного законодательства, является пережитком советской эпохи и установление даже с философской точки зрения вряд ли возможно в силу субъективности человеческого мышления.

Действительно, достижение объективной истины не всегда возможно, однако принцип установления формальной истины приводит к искаженному пониманию достоверности, когда весь процесс доказывания, особенно в рамках судебного следствия, сводится к формализму: истинно то, что установлено судом и доказано в суде. В связи с этим существенное изменение роли вступивших в законную силу судебных актов видится достаточно разумным и последовательным, однако полное исключение межотраслевой преюдиции, как мы полагаем, было ошибкой законодателя.

Как известно, преюдициальность означает не только отсутствие необходимости доказывать установленные ранее обстоятельства, но и предполагает запрет их опровержения [9, с. 135]. Однако нестрогая (т.е. опровержимая) преюдиция позволяет критически относиться к обстоятельствам, установленным вступившим в законную силу судебным решением, вынесенным в порядке гражданского либо арбитражного судопроизводства, и при наличии достаточных оснований к тому отвергать их. Такой подход к оценке судебных решений, вынесенных арбитражными судами и судами общей юрисдикции, не препятствует расследованию по уголовным делам, т.к. не предполагает заведомой силы тех или иных доказательств.

В условиях, когда судебный акт отвечает только критериям формальной истины, а выигрыш в гражданском (арбитражном) деле в значительной степени зависит от того, насколько профессиональны лица, представляющие ту или иную сторону, насколько верно сформулированы исковые требования (а равно и возражения на них), правильно выбран предмет исковых требований, а также от финансовых возможностей сторон, участвующих в деле, оспоримая межотраслевая преюдиция позволяла соблюдать необходимый баланс между возможностью доказывания в рамках уголовного процесса и обязательностью вступившего в законную силу судебного решения, вынесенного в рамках гражданского либо арбитражного судопроизводства.

В связи с изложенным именно отсутствие императивной нормы, законодательно закрепляющей значение вступивших в законную силу судебных решений по гражданским и арбитражным делам, привело к ситуации, когда вступившее в законную силу решение арбитражного суда позволило полностью его игнорировать в качестве доказательства при расследовании преступлений.

Полагаем, что концептуальный пересмотр роли суда и, как следствие, переход от розыскной модели судопроизводства к состязательной, с одновременным отходом от принципа объективной истины, к формально-процессуальной, произошедший в конце XX в. – все это привело к тому, что в отечественной судебной практике появились судебные

акты, находящиеся друг к другу в контрадикции.

Без сомнения, самым известным (но далеко не единственным) является уголовное дело в отношении Суринова Татевоса Романовича, который приговором Басманного районного суда города Москвы от 5 февраля 2007 года, оставленным без изменения определением судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 11 мая 2007 года, был признан виновным в том, что совместно с другими лицами совершил хищение государственного имущества – аэронавигационного оборудования фирмы «Томсон», установленного в международном аэропорту «Казань», в результате чего был причинен ущерб бюджету Республики Татарстан, и осужден за совершение преступлений, предусмотренных пунктами «а» и «б» части третьей статьи 159 «Мошенничество», частью третьей статьи 174.1 «Легализация денежных средств, приобретенных в результате совершения преступления» и частью второй статьи 330 «Самоуправство» УК РФ [10].

Постановлению обвинительного приговора не помешало даже то обстоятельство, что решениями арбитражных судов [11] совершенные с его участием сделки были признаны соответствующими закону.

Именно возможность сосуществования, на первый взгляд, взаимоисключающих судебных актов в отечественном судопроизводстве и вызвала широкую дискуссию, которая не прекращается до настоящего времени.

Конституционный Суд Российской Федерации, дважды проверяя статью 90 УПК РФ на предмет соответствия ее Конституции России, сумел, пожалуй, найти определенный баланс между общеобязательностью вступивших в законную силу судебных решений, с одной стороны, и свободы оценки доказательств и состязательность судопроизводства – с другой. По его мнению, фактические обстоятельства, не являвшиеся основанием для разрешения дела по существу в порядке гражданского судопроизводства, при наличии в них признаков состава преступления подлежат проверке на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая возбуждение и расследование уголовного дела, в том числе на основе доказательств, не исследованных ранее судом в гражданском или арбитражном процессе [12].

В частности, Конституционный Суд РФ в своем постановлении указал, что фальсификация доказательств как уголовно наказуемого деяния не составляет предмета доказывания по гражданскому делу, в связи с чем данное обстоятельство выходит за рамки объективных пределов законной силы судебного решения.

Таким образом, обязанность суда, ведущего разбирательство по уголовному делу, проверять правильность, законность и обоснованность выводов суда в ходе гражданского (арбитражного) процесса, основана на одном из «столпов» отечественного уголовного судопроизводства, а именно – на правильном разрешении всеми судами всех уголовных дел при условии строгого соблюдения законности при их рассмотрении.

Мы полагаем, что возможность суда в ходе уголовного судопроизводства отнестись критически к выводам суда, рассмотревшего гражданско-правовой спор, не нарушает прав и законных интересов как лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и лиц, обвиняемых в их совершении. При таком подходе нельзя говорить о нарушении принципа обязательности судебных решений, вступивших в законную силу, т.к. судебное решение всегда выносится в отношении определенных прав и обязанностей конкретных участников спорных правоотношений и не может налагать обязанности или создавать права в отношении иных лиц, а также выходить за пределы гражданско-правового спора.

Как нам видится, проблема применении преюдиции заключается не столько в том, что уголовное судопроизводство преследует иные цели, нежели гражданское либо арбитражное, сколько в том, что отечественная юридическая наука (и, как следствие, правоприменительная практика) не пришла к единому пониманию места данного института в процессуальной деятельности судов и органов предварительного расследования.

Остается также открытым вопрос, каким образом возможно преодоление прею-

диции вынесенного по гражданскому делу решения, основанного на сфальсифицированных доказательствах, в случае невозможности вынесения приговора, устанавливающего факт совершения преступления, повлекшего его неправосудность в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Предусмотренный действующим уголовно-процессуальным законодательством механизм пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, к числу оснований которого относится установление приговором суда совершенных при рассмотрении ранее оконченного дела преступлений против правосудия, в указанной ситуации неприменим, т.к. в рассматриваемом случае в силу положений пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению.

Так, фальсификация доказательств по гражданскому делу лицом, участвующим в деле, или его представителем (часть 1 статьи 303 Уголовного кодекса РФ) относится к преступлению небольшой тяжести и наказывается штрафом в размере от 100 тысяч до 300 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо обязательными работами на срок до 480 часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до четырех месяцев. Полагаем, что предусмотренное законом наказание является излишне мягким и несоответствующим тяжести содеянного.

В связи с этим в качестве возможной меры мы предлагаем ужесточение санкции части 1 статьи 303 Уголовного кодекса РФ (Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности), предусмотрев в качестве одного из возможных наказаний лишение свободы на срок до 4 лет, что переведет указанные деяния из состава преступлений небольшой тяжести в преступления средней тяжести с одновременным увеличением срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Литература и комментарии

1. «Res judicata pro veritate habetur» (лат.) – судебное решение должно приниматься за истину.
2. Здесь и далее, если не оговорено особо, под гражданским судом подразумевается суд, рассматривающий гражданское дело в порядке гражданского судопроизводства, а под уголовным судом – суд, ведущий судебное разбирательство по уголовному делу.
3. Данная новелла введена в статью 29 Устава уголовного судопроизводства в 1887 г. – Приводится по: *Прокопьева К.Е., Татьянина Л.Г.* О значении судебных постановлений, принятых в порядке гражданского судопроизводства при рассмотрении уголовных дел по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Вестник Удмуртского университета. 2014. № 2.
4. Стоит отметить, что несмотря на это, вопросами применения преюдиции занималось значительное число правоведов (Н.А. Буцковский, В.К. Случевский, И.Я. Фойницкий, А.А. Фон-Резон и др.), которые по-разному видели пределы действия преюдициальных актов, что приводило к жарким спорам на страницам печатных изданий тех лет.
5. Статьи 12 и 13 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1922 года.
6. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002.
7. Например, статья 60 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 года позволяла суду считать признанный сторонами факт установленным, если у него не было сомнений в том, что признание соответствовало обстоятельствам дела и не совершено сторонами под влиянием обмана, насилия, угрозы, заблуждения или с целью сокрытия истины. Очевидно, что в уголовном судопроизводстве таких допущений быть не могло.
8. Статья 20 УПК РСФСР 1960 года.
9. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.Ф. Яковлева и М.К. Юкова. М., 1997.

10. Приводится по: Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2008 года № 193-О-П по жалобе гражданина Суринова Татевоса Романовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 УПК РФ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 2090.
11. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 14 января 2005 года, Постановление Арбитражного суда Республики Татарстан от 20 апреля 2005 года, Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 29 июня 2005 года, Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2005 года. Там же.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 г. № 30-П по делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко // Собрание законодательства РФ. 2012. № 2. Ст. 398.

Chushenko Dmitry Nikolaevich, a postgraduate student of the Department of procedural law, the South-Russian Institute of management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: Retwizan@yandex.ru

THE DEVELOPMENT OF PREJUDICE IN RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. The article discusses issues related to the Institute of the prejudice in the domestic legislation and its effect on the efficiency of judicial activities. Disclosed regulatory issues of prejudice in the domestic legislation in the period from the mid-19th century to the present, as well as the problems of law enforcement.

Keywords: evidence in criminal proceedings, exemption from proof, collateral estoppel, the development of prejudice in Russia, the contradiction of judicial acts, the effectiveness of the judicial activity.

References

1. «Res judicata pro veritate habetur» (lat.) – sudebnoe reshenie dolzhno prinimat'sya za istinu.
2. Zdes' i dalee, esli ne ogovoreno osobo, pod grazhdanskim sudom podrazumevaetsya sud, rassmatrivayuschiy grazhdanskoe delo v poryadke grazhdanskogo sudoproizvodstva, a pod ugolovnym sudom – sud, veduschiy sudebnoe razbiratel'stvo po ugolovnomu delu.
3. Dannaya novella vvedena v statiu 29 Ustava ugolovnogo sudoproizvodstva v 1887 g. – Privoditsya po: Prokopieva K.E., Tatianina L.G. O znachenii sudebnyh postanovleniy, prinyatyh v poryadke grazhdanskogo sudoproizvodstva pri rassmotrenii ugolovnyh del po Ustavu ugolovnogo sudoproizvodstva 1864 goda // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2014. № 2.
4. Stoit otmetit', chto nesmotrya na eto, voprosami primeneniya preyudicii zanimalos' znachitel'noe chislo pravovedov (N.A. Butskovskiy, V.K. Sluchevskiy, I.Ya. Foinitskiy, A.A. Fon-Rezon i dr.), kotorye poraznomu videli predely deistviya preyudicial'nyh aktov, chto privodilo k zharkim sporam na stranitsam pechatnyh izdaniy teh let.
5. Statyi 12 i 13 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR 1922 goda.
6. Kurs ugolovnogo prava. Obschaya chast'. T. 1: Uchenie o prestuplenii / Pod red. N.F. Kuznetsovoy i I.M. Tyazhkovoy. M., 2002.

7. Naprimer, statia 60 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa RSFSR 1964 goda pozvolyala sudu schitat' priznanniy storonami fakt ustanovlennym, esli u nego ne bylo somneniy v tom, chto priznanie sootvetstvovalo obstoyatel'stvam dela i ne soversheno storonami pod vliyaniem obmana, nasiliya, ugrozy, zabluzhdeniya ili s celiu sokrytiya istiny. Ochevidno, chto v ugolovnom sudoproizvodstve takih dopuscheniy byt' ne moglo.
8. Statia 20 UPK RSFSR 1960 goda.
9. Kommentariy k Arbitrazhnomu processual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federacii / Pod red. V.F. Yakovleva i M.K. Yukova. M., 1997.
10. Privoditsya po: Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.01.2008 goda № 193-O-P po zhalobe grazhdanina Surinova Tatevosa Romanovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav statiey 90 UPK RF // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 18. St. 2090.
11. Reshenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Tatarstan ot 14 yanvarya 2005 goda, Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Respubliki Tatarstan ot 20 aprelya 2005 goda, Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 29 iyunya 2005 goda, Opredelenie Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federacii ot 11 noyabrya 2005 goda. Tam zhe.
12. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21.12.2011 g. № 30-P po delu o proverke konstitucionnosti polozheniy statyi 90 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federacii v svyazi s zhaloboy grazhdan V.D. Vlasenko i E.A. Vlasenko // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2012. № 2. St. 398.

УДК 342

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Паламарчук Сергей Александрович аспирант кафедры конституционного и муниципального права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54)
E-mail: spalamar@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема совершенствования конституционно-правового регулирования права на информацию в сети Интернет. Изучены подходы к определению термина «Интернет» в законодательстве. Сформулированы вопросы, возникающие при реализации гражданами своего права на информацию в сети Интернет, которым государству следует уделять дополнительное внимание.

Ключевые слова: *конституция, конституционно-правовое регулирование, конституционное право на информацию, цензура, ограниченный доступ к информации, Интернет, виртуальное пространство, законодательство, информационные технологии.*

Сегодня рамки использования информационных технологий последовательно расширяются, что обусловлено непрерывным развитием информатизации государственного управления, экономической сферы государства, иных отраслей общественных отношений, причем сложность информационного обеспечения очень многих видов профессиональной деятельности возрастает по экспоненциальному закону. С другой стороны, информационные технологии все больше интегрируются в образ жизни обычных граж-